

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ГЕНЕРАЛОВА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник группы лексикологии русского языка XVI–XVII вв.

Институт лингвистических исследований РАН

(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-9431-0418; elena-generalova@yandex.ru

О ДИФFUЗНОСТИ СЕМАНТИКИ КАК СВОЙСТВЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА

А н н о т а ц и я . Целью исследования является изучение природы и особенностей семантической диффузности в русском языке XVI–XVII веков. Явление недифференцированности в одном контексте нескольких смыслов активно изучается на материале современных текстов и в меньшей степени исследовано в диахронии, хотя в исторических текстах русского языка это явление обнаруживается еще в большей степени, имея при этом несомненную специфику. Базой настоящего исследования послужили памятники старорусского языка делового и обиходного содержания, в которых в период Московской Руси и шли живые процессы формирования будущего национального русского языка. Причинами частого явления диффузности в языке XVI–XVII веков выступают наследие древнерусского языкового состояния, для которого был характерен семантический синкретизм, а также активный процесс формирования полисемии в старорусский период. Был выявлен ряд проявлений семантической диффузности в русском языке XVI–XVII веков: контексты с совмещением недостаточно разошедшихся значений будущего полисемантического слова, несегментированность семантического пространства слова, частая многозначность фразеологических единиц, полиномия лексем конкретного значения, проявляющаяся, с одной стороны, в их возможности обозначать ряд схожих объектов, с другой стороны, в множественности номинаций для конкретных предметов, текстовый характер синонимии, осложненной морфологической, словообразовательной и лексической вариативностью, обилие дублетных наименований, недифференцированность семантики производящих и словообразовательных производных. Таким образом, семантическая диффузность выступает в качестве существенной, базовой характеристики лексико-семантической системы старорусского языка, и дальнейшее рассмотрение семантических процессов в языке периода начального формирования национального языка продуктивно с этой точки зрения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : семантическая диффузность, старорусский язык, историческая лексикология, лексическое значение, контекст, полисемия, семантический синкретизм

Д л я ц и т и р о в а н и я : Генералова Е. В. О диффузности семантики как свойстве лексико-семантической системы старорусского языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 7. С. 95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1099

ВВЕДЕНИЕ

Явление диффузности семантики изучается в собственно лингвистическом, лексикографическом, когнитивном и прагматическом аспектах, при исследовании стилистики художественного текста и природы синонимии, в теории метафоры, теории заимствования, практике синхронного перевода. Объектом рассмотрения выступают отдельные лексемы, группы слов и лексика в определенных типах текстов (исследуется, например, функционирование слов с диффузной семантикой в разговорной речи, рекламных текстах, политическом дискурсе и др.). Под диффузной семантикой понимается неопре-

деленность содержания языковой единицы в связи с размытым, неявным лексическим значением, сочетание «двух смыслов, расчленение которых в пределах данного высказывания невозможно (т. е. может быть произведено лишь на основании каких-то других контекстов)» [5: 31]. Концепция диффузности семантики на основе учения В. В. Виноградова о типах лексического значения разрабатывалась Д. Н. Шмелевым, который первым поставил вопрос о недифференцированности семантики в ряде употреблений лексических единиц, определил принцип диффузности как совмещение значений в многозначном слове и обосновал природу диффузности как естествен-

ного, сущностного свойства языка [15: 94–95]. Схожей точки зрения придерживается А. Киклевич, охарактеризовавший диффузность семантики как способность языковой или речевой единицы передавать различные смыслы в одном и том же контексте, подчеркнув, что эти интегральные семантические признаки вытекают из функционирования языковой единицы [16: 151].

Ряд исследователей [1: 476–477], [3: 129–130] последовательно различают языковую и речевую семантическую диффузность, обращая внимание на то, что «языковая неоднозначность – это способность слова, выражения или конструкции иметь различные смыслы, то есть это свойство языковых единиц, проявляющееся в некотором речевом высказывании» [3: 129]. Причины семантической диффузности напрямую связаны с условиями ее возникновения: это могут быть особенности устной разговорной обиходной речи при размытой семантике базовых единиц в повседневном дискурсе [7: 92–93], индивидуальный стиль и авторская интенция при создании метафорического сложного образа, стремление различных научных школ и отдельных исследователей к более глубокому проникновению в сущность объекта исследования и к полноте его описания при амбисемии термина, заключающейся в диффузном характере интенционала [13: 134–135], особенности усвоения иноязычной лексики при роли семантической диффузности как способа хранения многозначных слов в менталитете носителей языка [14: 43] и др. При этом нельзя не согласиться и с А. В. Леонтьевой, рассматривающей явление диффузности как «ментальное образование»:

«...подразумевая под диффузностью сложный лингвистический феномен, мы интерпретируем его не только лишь как неполноту, размытость и неясность вербальной репрезентации, а как глубокое многогранное явление в ментальном и языковом конструировании» [10: 44].

Вопрос о семантической диффузности был поставлен на материале современных текстов, однако в исторических памятниках русского языка это явление обнаруживается еще в большей степени, имея при этом несомненную специфику.

Настоящая статья посвящена рассмотрению явления семантической диффузности в диахронии, на материале старорусского языка. Целью исследования является изучение природы и особенностей семантической диффузности в исторических текстах. Базой исследования послужили памятники русского языка XVI–XVII веков делового и обиходного содержания, поскольку именно в этих языковых подтипах в период Мо-

сковской Руси шли живые процессы формирования будущего национального русского языка.

ПРИЧИНЫ И ПРОЯВЛЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФFUЗНОСТИ В ПАМЯТНИКАХ ДЕЛОВОГО И ОБИХОДНОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВЕКОВ

Анализ исторических текстов языка Московской Руси позволяет сделать вывод, что явление семантической диффузности встречается в них нередко. См., напр.:

Буде пытан не больно, велѣли пытать накрѣпко (АМГ I, 171, 1621 г.) (наречие *больно* совмещает прямое значение ‘болезненно, с причинением боли’ и переносное значение ‘сильно, интенсивно’, на которое указывает контекстуальный антоним *накрепко*);

Сказывают что вв (!) Аглинской землѣ оба воиска жестоко меж себя билися и короля с поля збили (В-К II, 14, 1642 г.) (в семантике наречия *жестоко* совмещаются значения ‘безжалостно, беспощадно, немилосердно’ и ‘интенсивно сильно’);

Из государева розгрому с того с Никольского монастыря старцы и слуги от правезу розбежались и монастырь запустил (Ладога, 131, 1599 г.) (совмещение в семантике глагола *запустить* прямого значения ‘стать пустым, обезлюдеть’ и переносного ‘прийти в упадок’).

Представляется, что для исторических текстов диффузность характерна в большей степени, чем для современного состояния. Это явление в истории языка имеет особые причины. Во многом оно обусловлено феноменом семантического синкретизма как органического свойства древнего языка. Фундаментально описав семантический синкретизм как категорию языка, В. В. Колесов убедительно доказал, что в развитии русского языка следует говорить

«о смене культурных парадигм, о разложении исходного семантического синкретизма, развитии семантических представлений и различных этапах ментализации – освоении культурных символов через категории и формы родного языка, который постоянно изменялся в своих формах и значениях» [9: 5].

Семантический синкретизм как «нерасчлененность древнего значения» [8: 85] в значительной степени характерен для состояния древнерусского языка, для описываемого в настоящей статье старорусского периода имеет место уже разложение синкретизма («расчленение синкретизма» в терминологии М. В. Пименовой [11: 42]) и разработка объема понятия, но старорусский язык не может не наследовать в известной мере предыдущее языковое состояние.

Кроме того, существенно, что в исторических текстах можно наглядно наблюдать так

называемое «скольжение» значения, то есть неявные изменения семантики в связи с еще формирующейся полисемией. Связь явления семантической диффузности с полисемией кажется вполне убедительной, поскольку диффузность – это «процесс смещения значения, вызванный возможностями семантики соответствующей лексической единицы (прежде всего, под воздействием полисемии, а также других свойств слова)» [2: 35]. Тексты же XVI–XVII веков демонстрируют самый процесс сложения многозначности, постепенного обособления значений друг от друга. Естественно, имеют место контексты, в которых эти расходящиеся значения еще совмещаются. Например, у гнезда *заповед-* и, в частности, у существительного *заповедь* формируется комплекс значений: 1) ‘приказ, повеление’, 2) ‘религиозное предписание, установление, завет’, 3) ‘запрет, запрещение’, а также 4) ‘штраф’. Но в ряде употреблений сложно сказать однозначно, какая семантика реализуется в контексте (‘приказ, повеление’ или ‘запрет’): *И та де заповедь* [о невывозе медных денег] *учинена не для одних царского величества торговых людей. Учине на та заповедь для иных государств торговых людей* (РШЭО, 147, 1649 г.), *Тѣ Володимеравы крстьяне за рубеж ходили Шулга с товарищи торгуют хлѣбам и солю и медам и всяким товарам мима твою гсдрву заповед* (Южн. челобитные, 19, 1622 г.).

С учетом того что появление новой семантики в ряде случаев сопровождается грамматическими изменениями, имеет место трудность в определении не только семантики, но и грамматических характеристик лексемы. Например, у некоторых существительных в старорусском языке совмещается исходная и метонимическая семантика, в связи с чем неясны морфологические признаки слова. Так, у лексемы *встреча* в старорусском языке фиксируются несколько значений (‘подготовленный прием’ и метонимическая семантика ‘люди, посланные встречать кого-л.’), но в ряде контекстов происходит их совмещение, и сложно сказать, использовано в контексте неодушевленное или уже одушевленное существительное: *Лета 7075-го июля в 20, в неделю, на Ильин день, не доехав Стекольна с версту, сказали послам приставы, что велено им послов поставити на острову на Валмарси, а будет, сказали, к послом на тот остров встреча от короля* (Ст. сп. Воронцова, 7, 1586 г.). Другим примером сложности грамматической характеристики языковой единицы может служить функционирование в языке XVI–XVII веков лексемы *караул*, известной и как многозначное существительное (с процессуальной семантикой

‘несение сторожевой службы’ и метонимическими значениями), и как междометие. Но в некоторых контекстах слово *караул* не может быть однозначно охарактеризовано, возможна его интерпретация и как вообще призыва, крика о помощи, и как конкретного призыва к стражам порядка (*караулу* как страже): *А сказали стрельцы... как будут у Варварских ворот, и тот индеец кричит караул и велит того человека отвести в приказ, а сказал, что де с него тот человек схватил шапку* (Россия и Восток (Инд.), 86, 1672 г.), *А как де он, Федор, кричал караул и привел на Потешной двор, в то число был с ним, Федором, ратушской салдат Микита Селен* (РД IV, 215, 1705 г.).

Таким образом, в исторических текстах часто наблюдаются контексты с совмещением значений и даже грамматических признаков, сопровождающих разные значения, из-за неразшедшей полисемии.

Можно и в целом говорить о частой неразделенности или недостаточной отделенности значений многозначного слова, размытости, широте и несегментированности общего семантического пространства слова, что является наследием семантического синкретизма. Например, в текстах русского языка XVI–XVII веков не сегментировано семантическое пространство лексем с корнем *искус-* (*искус*, *искушение*, *искусить*, *искуситься* и др.), они все могут обозначать и приобретение опыта, и навыки, умения, и проверку, испытание (самые разные, вплоть до испытаний, которым подвергаются готовящиеся принять постриг). Четко не расходятся ни сами значения, ни основы, их имеющие (ср. в современном языке можно видеть семантическую специализацию основ *искус-* и *искуш-*), не определена и их коннотация (одна и та же основа может иметь семантику и с нейтральной, и с положительной (как при значении ‘умение, мастерство’), и с негативной (как при значении ‘соблазн, прельщение, искушение’) окраской. См. *искуситься* ‘приобрести достаточный опыт’ (*И мастеръ... можетъ пицаль или пушку разумомъ своимъ полнымъ сполна и достаточно вылити ...И такъ ты въ тѣхъ дѣлѣхъ можешъ и далече искуситися* (Устав ратн. д. I, 155, 1621 г.)) и ‘поддаться какому-л. соблазну’ (*А мы, холопи твои [солдаты полка воеводы Лазарева], въ тѣ дни твоей государевы казны и воеводы не покинули, дурна никакова не учинили и тебя, государь, ни въ чемъ не прогнѣвили ... шатости не искусились* (ДД III, 1000, 1648 г.)).

Ярко эта размытость, широта семантического пространства ощущается в семантике ряда каче-

ственных прилагательных и производных от них наречий (см. *коварный, добрый, вечный* и др.).

Существенно обогащают семантическую палитру многих лексем региональные данные, с учетом значительной диалектной дифференциации старорусского языка. Отдельные значения фиксируются только в памятниках территориально ограниченного ареала (семантическое регионализмы), внося новые смыслы в нечетко очерченное в донациональный период семантическое пространство. Например, прилагательное *дешевый*, помимо общераспространенных значений ‘имеющий небольшую стоимость; недорогой’ и ‘о цене: небольшой’, имеет в пермских памятниках и особое значение, представляющее собой специфический поворот семантики – ‘легко доставшийся’ (см. *На воровские денги... купил вершок шапошной дал за тот вершок гривну и он де Лучка ему Федкѣ говорил давай де больше денег у тебя де дешевые денги... у вас де промысел добр* (Сл. Перм. I, 148, 1691 г.)); прилагательное *дикий*, помимо общераспространенных значений ‘о животных: неприрученный человеком, живущий на воле’, ‘о растениях: не культивируемый человеком’, ‘о земле: необрабатываемый, заброшенный’, ‘о цвете: серый’, в пермских и сибирских текстах фиксируется с семантикой ‘глухой, непроходимый’ (см. *И льса дикие и селища чуцкие и заросли по озерам и источки и островки и наволочки дикие* (Сл. Перм. I, 148, 1614 г.), *Межа... з другую сторону по диким лесом по суземь* (Сл. Сибир., 35, 1683 г.)) и др.

Одним из следствий размытости и широты семантического пространства лингвистических единиц в языке донационального периода является нередкая многозначность фразеологических единиц. При том, что фразеологическая многозначность встречается существенно реже, чем лексическая, в текстах старорусского языка многозначность устойчивых сочетаний – нередкое явление. Особенность фразеологической полисемии в языке этого периода заключается в близости значений фразеологизма друг к другу, то есть лингвистическая единица как бы еще и не окончательно определилась в магистральном пути развития своей семантики. См.

сам собою 1) без посторонней помощи или вмешательства (*Вода людемъ здоровая есть та, которая от источников земныхъ сама собою истекаетъ* (Назиратель, 124, XVI в.)); 2) лично (*А знаетъ меня сынъ мой, игумень Макарей, самъ собою* (Арх. Стр. I, 98. 1500 г.)); 3) по собственному желанию, самовольно (*Да указал ты, гсдрь Андреи Илич, мнѣ холопу своему всѣмъ крстьяны про Ивана Гарасимова сыскать, как твои боярскои скот быка и теллицу бил,*

по крстьянскому ли велению или сам собою (Арх. Безобразова, 1681 г.));

по греху(-ом, -ам) 1) без умысла, по ошибке (*То по грѣхам стало, не нарочным дѣлом, за то меня не повѣщуй* (Разг. Фенне, 378, 1607 г.); 2) к несчастью, на беду, по несчастью (*И того ж часу в столовой полате пришил к послом... королевской боярин большой Петр Брагде, а говорил: Государь де наш король по грехом недомагает: как пошел в столовую, и короля изымал оморок* (Ст. сп. Воронцова, 11, 1586 г.)).

В отношении семантики конкретных существительных явление неопределенности семантики проявляется в тенденции к полиномии, несвойственной современному литературному языку (за исключением разговорной речи). С одной стороны, лексема с конкретной семантикой может иметь множество ЛСВ-номинаций различных предметов и не специализируется в обозначении определенного предмета, а с другой стороны, напротив, для номинации одного предмета используется ряд дублетных наименований, то есть в старорусском языке многие конкретные существительные еще не специализируются в определенном значении, как это произойдет позже, в национальном языке, а обозначают некоторое количество объектов, объединенных общим признаком. Например, основные значения слова *колода* в старорусском языке – ‘толстый лежащий ствол или массивный, большой обрубок дерева, толстое бревно’ и ‘колодка для узника, состоявшая обычно из двух плах с проемами в центре и петлями и замками по краям’ (в современном языке это значение закрепилось за суффиксальным производным *колодка*, поскольку в современном языке слова *колода* и *колодка* специализировались в своих значениях). Но помимо этих двух значений слово *колода* в языке деловых и обиходных памятников Московской Руси обозначает самые разные предметы из выдолбленного бревна: ‘выдолбленное из толстого бревна широкое корыто для спуска сусла из чана на винокурне или рассола на солеварне’, ‘кадка, выдолбленная из куска дерева’, ‘лодка-долбленка’, ‘брус, идущий вдоль середины днища по длине судна и служащий основанием его корпуса’ (фиксируется только в памятниках севера Московской Руси), ‘дверной и оконный косяк, притолока’, ‘деревянный станок для крупного огнестрельного орудия с выдолбленным под него желобом, лафет’. С другой стороны, избыточность номинаций для конкретных предметов, дублетных наименований одного объекта проявляется в том, что в языке Московской Руси практически любая лексема может иметь синонимическое соответствие. Е. М. Ис-

серлин выделяет «синонимичность и многозначность слов, обозначающих конкретные предметы действительности» как «характерную черту литературного языка второй половины XVII в.» [6: 27], о синонимичности целого ряда лексем предметно-бытовой лексики в старорусском языке подробно пишет Г. В. Судаков [12: 185–190].

Яркое проявление семантической диффузности в языке этого периода – это и особый характер синонимии. Синонимия в языке донационального периода носит несловарный характер и реализуется именно в тексте. Кроме того, для языка периода Московской Руси характерна осложненность синонимии широкой словообразовательной и морфологической вариативностью: см. *заплот* (*заплота*) – *запруда*, *дубник* – *дубняг* и *дубняк* – *дубовик* ‘дубовый лес’, *кобец* – *кобчик* ‘небольшая хищная птица семейства соколиных’, *кислотный* – *кислый*, *непрестанно* – *беспрестанно* и др. Причем существенно, что многие синонимы в этот период, особенно однокоренные, не обнаруживают ни стилистической, ни смысловой дифференциации, то есть выступают как дублиеты, это характерная особенность синонимии в период средневековья: см. *исток* – *источник* – *источина* – *колодец* – *ключ* ‘родник; ручей протока’, *дубина* – *древина* – *дрюк* – *батог* ‘большая тяжелая палка, используемая чаще всего как оружие’; синонимия может возникать между общерусскими и региональными лексемами: см. *вторник* – *второк* (смоленское), *коваль* (областное) – *ковач* – *кузнец* ‘кто занимается изготовлением и ковкой железных изделий’ (см. подробнее [4]).

Еще одно следствие диффузности семантики – частое отсутствие разграничения семантики основных производящих лексем и словообразовательных производных: см. употребление в текстах как полных синонимов лексем *забор* и *заборец*; *колодезь*, *колодезище*, *колодезек*, *колодезец* и др. Дериваты используются в текстах с той же семантикой, что и исходные лексемы, аффиксы не вносят дополнительных смысловых оттенков, напротив, общее значение корня как бы вбирает в себя максимум возможных смысловых дифференциаций. Например, лексемы *кобылица* и *кобылка* часто фиксируются в текстах с неспециализированным значением ‘взрослая самка лошади’, тождественным значению производящего слова *кобыла*: см. *190-г(о) году февр(о)ля в 4 де(нь)*

послано в Спаское вологоцких троя лошадеи: мерин гнѣд, кобылка голуба, кобылка вороная (Арх. Безобразова II, 463, 1682 г.), *Я [Ф. И. Пазухин] купил было тебѣ [С. И. Пазухину] две кобылицы... и с Москвьы ехал крестыник твои Иван на кобыле изволением Бжииим дорогою едучи пала а кобылица осталас и я ее кормлю до млсти твоеи* (ИНРЯ, 154, 1698 г.).

ВЫВОДЫ

Таким образом, семантическая диффузность как неопределенность, размытость содержания обнаруживается в качестве существенной характеристики лексико-семантической системы старорусского языка. Причинами частого явления диффузности в языке XVI–XVII веков (и большей, чем в современном языке, распространенности этого явления в языке донационального периода) выступают наследие древнерусского языкового состояния, для которого был характерен семантический синкретизм, а также активный процесс формирования полисемии в старорусский период.

Проявлениями семантической диффузности в русском языке XVI–XVII веков являются:

- 1) наличие ряда контекстов, где совмещаются еще недостаточно разошедшиеся значения будущего полисемантического слова,
- 2) несегментированность общего семантического пространства слова,
- 3) нередкая многозначность фразеологических единиц,
- 4) возможность лексем конкретного значения обозначать ряд схожих объектов,
- 5) избыточность (множественность) номинаций для конкретных предметов,
- 6) текстовый характер синонимии, осложненной морфологической, словообразовательной и лексической вариативностью, а также синонимией общерусских и региональных лексем,
- 7) обилие дублиетных наименований,
- 8) недифференцированность семантики производящих и словообразовательных производных.

В целом можно говорить о семантической диффузности как о базовом свойстве лексики языка донационального периода, и это свойство должно быть принято во внимание при рассмотрении различных семантических процессов и явлений в диахронии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ИСТОЧНИКОВ

АМГ I – Акты Московского государства. Т. 1 / Под ред. Н. А. Попова. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1890. 766 с.
 Арх. Безобразова – Архив стольника Андрея Ильича Безобразова. Ч. I / Изд. А. А. Новосельского, С. И. Коткова; Сост. Л. Ф. Кузьмина, И. С. Филиппова; Ред. О. В. Новохатко. М.: Памятники исторической мысли, 2012. 899 с.

- Арх. Стр. I* – Архив П. М. Строева. Т. 1 // РИБ. Т. 32. Пг., 1915. [6] с., 898 стб.
- В-К II* – Вести-Куранты 1642–1644 гг. / Изд. подгот. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина; Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1976. 398 с.
- ДД III* – Донские дела. Кн. 3. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1909 // РИБ. Т. 26. 672 с.
- ИНРЯ* – Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII века. М.: Наука, 1964. 312 с.
- Ладога* – Селин А. А. Ладога при московских царях. СПб.: Нестор-История, 2006. Приложение. С. 129–155.
- Назиратель* – Назиратель / Изд. подгот. В. С. Гольщенко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова; Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1973. 752 с.
- Разг. Фенне* – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. Vol. 2: Transliteration and Translation. Copenhagen, 1970.
- РД IV* – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. документов. Т. 4. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1976. 280 с.
- Россия и Восток (Инд.)* – Вафин Б. Д., Галиуллин К. Р. Россия и Восток. Словарь языка документов по русско-индийским отношениям. Казань: Казанский ун-т, 2012. 251 с.
- РШЭО* – Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / Отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 654 с.
- Сл. Перм.* – Полякова Е. Н. Словарь лексики пермских памятников XVI – начала XVIII века. Т. I. А–О. Пермь: Ред.-изд. отд. Пермского гос. ун-та, 2010. 427 с.
- Сл. Сибир.* – Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-ние, 1991. 179 с.
- Ст. сп. Воронцова* – Статейный список И. М. Воронцова // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1954. С. 7–62.
- Устав ратн. д. I* – Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. Ч. 1. СПб., 1777–1781. 231 с.
- Южн. челобитные* – Памятники южновеликорусского наречия: Челобитья и расспросные речи / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова, Т. Ф. Ващенко, В. Г. Демьянов. М.: Наука, 1993. 234 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. О языке толкований и семантических примитивах // Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 2. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 466–483.
2. Артемов А. К вопросу функционирования и применения термина «семантическая диффузность» в лингвистической русистике и богемистике // *Opera Slavica*. 2018. Vol. 28, iss. 2. P. 27–38.
3. Власова Л. В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 2. С. 128–132.
4. Генералова Е. В. О специфике синонимических отношений в языке Московской Руси XVI–XVII веков // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3. С. 98–106. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.98
5. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006. 671 с.
6. Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII века: Материалы к курсу «История русского литературного языка». М., 1961. 80 с.
7. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.
8. Ковтун Л. С. О неявных семантических изменениях // Вопросы языкознания. 1971. № 5. С. 81–90.
9. Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
10. Леонтьева А. В. Рефлексия в ментальном и языковом конструировании действительности: предпосылки и грани семантической диффузности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 2 (043). С. 40–45.
11. Пименова М. В. Лексико-семантический синкретизм как проявление формально-содержательной языковой асимметрии // Вопросы языкознания. 2011. № 3. С. 19–48.
12. Судаков Г. В. История русского слова. Вологда: ВГПУ, 2010. 333 с.
13. Татаринцов В. А. Терминологическая лексика русского языка: эволюция проблем и аспектов изучения // Русский язык в современном обществе. М.: ИНИОН РАН, 2006. С. 133–164.
14. Шкапенко Т. М. Семантическая диффузность в двуязычном аспекте // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 8. С. 42–47.
15. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: на материале русского языка. М.: Наука, 1973. 280 с.
16. K i k l e w i c z A . K . Zrozumiec jezyk. Szkice z filozofii języka, semantyki, Ingiwistyki komunikacyjnej. Lask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2007. 453 s.

Поступила в редакцию 02.09.2024; принята к публикации 30.09.2024

Original article

Elena V. Generalova, Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher,
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of
Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-9431-0418; elena-generalova@yandex.ru

DIFFUSIVITY OF SEMANTICS AS A PROPERTY OF THE LEXICO-SEMANTIC SYSTEM OF THE OLD RUSSIAN LANGUAGE

Abstract. The purpose of the paper is to study the nature and features of semantic diffusivity in the Russian language of the XVI and the XVII centuries. The phenomenon of undifferentiation of several meanings in one context is actively researched on the basis of modern texts and is less studied in diachrony, although this phenomenon is found more frequently in Russian-language historical texts, thus having undoubted specificity. The basis for the study is formed by the Old-Russian-language texts of business and everyday content, in which, during the period of Moscow Rus, the living processes of formation of the future national Russian language took place. The reasons for the frequent phenomenon of diffusivity in the language of the XVI and the XVII centuries are the legacy of the Old Russian language, which was characterized by semantic syncretism, as well as the active process of polysemy formation in this period. A number of manifestations of semantic diffusivity in the Russian language of the XVI and the XVII centuries were identified: contexts with the combinations of insufficiently divergent meanings of future polysemantic words, non-segmentation of the semantic space of words, frequent ambiguity of phraseological units, the polyonymy of lexemes with concrete meaning manifested, on the one hand, through their ability to designate a number of similar objects and, on the other hand, through multiple nominations for specific subjects, the textual nature of synonymy complicated by morphological, word-formation, and lexical variability, the abundance of doublet names, the undifferentiated semantics of original words and derivatives. Thus, semantic diffusivity can be characterized as an essential, basic characteristic of the lexico-semantic system of the Old Russian language, and further consideration of semantic processes in the language of the period of initial formation of the national language is productive from this point of view.

Keywords: semantic diffusivity, Old Russian language, historical lexicology, lexical meaning, context, polysemy, semantic syncretism

For citation: Generalova, E. V. Diffusivity of semantics as a property of the lexico-semantic system of the Old Russian language. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(7):95–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1099

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. On the language of interpretations and semantic primitives. *Selected works*. Vol. 2. Moscow, 1995. P. 466–483. (In Russ.)
2. Artemov, A. To the question of the functioning and application of the term “semantic diffusiveness” in Russian and Czech linguistic studies. *Opera Slavica*. 2018;28(2):27–38. (In Russ.)
3. Vlasova, L. V. Semantic diffusion, semantic ambiguity: conception definitions. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2014;1(2):128–132. (In Russ.)
4. Generalova, E. V. On synonymic relations in the language of Muscovite Russia of the XVI and XVII centuries. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series “Humanitarian and Social Sciences”*. 2016;3:98–106. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.98 (In Russ.)
5. Zaliznyak, Anna A. Ambiguity in language and ways of its representation. Moscow, 2006. 671 p. (In Russ.)
6. Isserlin, E. M. Vocabulary of the Russian literary language of the XVII century. Materials for the course on the history of the Russian literary language. Moscow, 1961. 80 p. (In Russ.)
7. Karasik, V. I. Linguistic crystallization of meaning. Moscow, 2010. 351 p. (In Russ.)
8. Kovtun, L. S. About implicit semantic changes. *Topics in the Study of Language*. 1971;5:81–90. (In Russ.)
9. Kolesov, V. V. The philosophy of Russian words. St. Petersburg, 2002. 448 p. (In Russ.)
10. Leontyeva, A. V. Reflection in mental and language reality framing: factors and aspects of diffusiveness. *Issues of Cognitive Linguistics*. 2015;2(043):40–45. (In Russ.)
11. Pimenova, M. V. Lexico-semantic syncretism as a manifestation of formal and content-related linguistic asymmetry. *Topics in the Study of Language*. 2011;3:19–48. (In Russ.)
12. Sudakov, G. V. The history of Russian words. Vologda, 2010. 333 p. (In Russ.)
13. Tatarinov, V. A. Terminological vocabulary of the Russian language: the evolution of problems and aspects of study. *Russian language in modern society*. Moscow, 2006. P. 133–164. (In Russ.)
14. Shkapenko, T. M. Semantic diffusion: the bilingual aspect. *IKBFU's Vestnik*. 2012;8:42–47. (In Russ.)
15. Shmelev, D. N. Problems of semantic analysis of vocabulary: a study of Russian-language texts. Moscow, 1973. 280 p. (In Russ.)
16. Kiklewicz, A. K. Understand the language. Sketches in philosophy of language, semantics, and linguistics of communication. Lask, 2007. 453 p.

Received: 2 September 2024; accepted: 30 September 2024